

Ю. Галич

Красный хоровод

**Москва
«Книга по Требованию»**

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Красный Хороводъ

КАРПАТЫ

Стоялъ бѣлый, ясный, тихій январь.

Кавалерійская бригада занимала горную позицію на Карпатахъ. Участокъ былъ глухой, малодоступный, дикій. Въ тылу была Надворная, впереди—венгерская граница и австрійскіе окопы...

Смѣна происходила еженедѣльно.

Сдѣлавъ переходъ въ двадцать пять верстъ, бригада останавливалась, слѣзала съ коней и, оставивъ ихъ при коноводахъ, подымалась въ горы.

Брали проводниковъ и шли узенькою тропою, змѣившейся по берегу невѣдомаго ручья, пересѣкали утопавшій въ пуховой перинѣ ельникъ и буковый лѣсъ, взметались на скалистые кручи. Тащили на выюкахъ горныя пушки, тянули пулеметы на салазкахъ и, шагъ за шагомъ, упираясь налками въ снѣгъ, скользя и падая, ругаясь и подбадриваясь смѣхомъ и шутками, подымались выше и выше.

Шли нѣсколько часовъ, дѣламъ время отъ времени пріостановку, чтобы перевести духъ, подтянуть отставшіе хвосты, походныя дву-
колки и кухни...

Въ горахъ царила величавая тишина.

Ни птицы, ни звѣря, ни единого существа. Только вились петлями кабаньи слѣды да заячьи тропы. Искрился снѣгъ и голубѣло небо. По склонамъ чернѣлъ лѣсъ, задумчивый, недвижный, молчаливый. А впереди, какъ заповѣд-
ный рубежъ, отмѣченный на картѣ красной линіей фронта, бѣлѣлъ снѣговой хребетъ.

Къ полудню, послѣ утомительнаго перехода, бригада занимала позицію. Одинъ полкъ, съ конно-горнымъ артиллерійскимъ взводомъ, располагался на небольшой площадкѣ, среди горъ, ночуя въ низкихъ, сырыхъ и холодныхъ, наспѣхъ сработанныхъ саперами, землянкахъ. Другой—въичалъ своими спѣшенными эскадронами четыре голыя вершины, съ кольцевымъ окопомъ и жидкимъ проволочнымъ загражде-
ніемъ.

Коноводы возвращались въ Пяювъ...

На берегу застывшаго ручья, возлѣ базальтовой скалы, съ которой въ полдень стекали хрустальныя капли, стоялъ домъ лѣсника.

Здѣсь помѣщался штабъ.

Домъ былъ сколоченъ изъ сосновыхъ бревенъ. Въ немъ находилась печь, скамейки, нары, колченогій столъ. Когда трещалъ морозъ и въ окна стучалась январская стужа, въ избѣ было тепло и уютно.

Печь накалялась до красна, огонь лизалъ обугленные головни и алымъ свѣтомъ пылалъ по стѣнамъ... Горѣла керосиновая лампа... Пѣлъ самоваръ... Ду-ду!—дудѣлъ бригадный телефонъ... Пять офицеровъ полкового штаба сидѣли за столомъ, писали донесенія, бесѣдовали, пили чай...

Стоянка на горной позиціи располагаетъ къ бесѣдамъ, къ обмѣну мнѣніями, къ разговорамъ на различныя темы.

Затерянная среди горъ, какъ крошечная точка, на общемъ тысячеверстномъ фронтѣ, оторванная отъ бѣльшихъ путей, бригада жила своею жизнью. Внѣшнихъ впечатлѣній было немного. Свѣдѣнія почерпались, главнымъ образомъ, изъ армейскихъ сводокъ да случайно попадавшихъ въ руки старыхъ газетъ.

Бесѣдовали о предстоящей весенней кампаніи и прекращеніи достаточно всѣмъ надѣвшейся войны. Само собой разумѣется, никто не сомнѣвался въ конечной побѣдѣ надъ истощеннымъ противникомъ. Настроеніе было устойчивое и бодрое, подкрѣпляемое увѣренностью въ близкой развязкѣ и заключеніи достойнаго мира.

Одновременно, тайкомъ, передавалось многое другое.

Говорили что-то о конституціи, не совсѣмъ точно уясняя себѣ значеніе этого слова, болтали о предстоящемъ государственномъ пере-

воротѣ, возглавляемомъ якобы Ставкой и великими князьями. Пронесся даже фантастическій слухъ о заточеніи императрицы въ Соловецкій монастырь.

Трудно сказать, какимъ образомъ всѣ эти слухи долетали изъ тыла на занесенныя снѣгомъ вершины. Приносились-ли они лицами, командиркуемыми въ столицу по служебнымъ дѣламъ или просто, въ порядкѣ летучей армейской почты, передавались изъ ближайшаго центра, въ формѣ интимной бесѣды, которая тотчасъ становилась извѣстной, волнуя и командный составъ и людей...

Нужно признаться, что ореолъ царя, никогда, впрочемъ, не бывшій значительнымъ, къ третьему году войны поблекъ окончательно и меркъ со дня на день. Все ставилось въ вину этому незадачливому, несчастному челоуѣку, внесенному капризомъ судьбы на тяжелый русскій престолъ въ роковой часъ русской исторіи.

И затяжная, въ связи съ техническою отсталостью и неудачнымъ командованіемъ, неслыханно кровопролитная, опустошительная война. И назначенія на высшіе посты въ тосударствѣ бездарныхъ, недостойныхъ, вызывавшихъ общественное негодованіе, лицъ. И сплетни о шпіонажѣ и вѣроломномъ предательствѣ, свившія якобы гнѣздо въ царскосельскомъ дворцѣ—все это, косвенно или прямо, относилось къ царю и непопулярной царицѣ.

Въ особенности раздражала распутинская исторія, раздутая до невѣроятныхъ предѣловъ, подрывавшая уваженіе къ коронѣ, набросившая мрачную тѣнь на святость и чистоту царскихъ чертоговъ. Много здѣсь ложнаго, преувеличеннаго и несправедливаго, но доля истины все же имѣлась. Убіиство старца было встрѣчено ликованіемъ...

Я позволилъ себѣ коснуться вскользь этой острой и до сихъ поръ еще волнующей темы, чтобы отмѣтить, что и на фронтѣ, въ самой глухой и затерянной его точкѣ, отголосокъ общаго настроенія имѣлъ свое мѣсто. Можетъ быть, сравнительно незначительное, ибо главное вниманіе было все же устремлено впередъ, туда, въ смутно синѣвшія за Быстрицею Надвоянскою дали, гдѣ за вражескими окопами начиналась венгерская граница и мерещился загадочный Кересмежъ...

Ваше сіятельство, князь Николай Петровичъ Вадбольскій, мой уважаемый начальникъ дивизіи!.. Драгуны — Архангелородцы девятнадцатаго полка — полковникъ Петровскій, Каргановъ и Алексѣевъ, ротмистръ Кубаркинъ, Алябьевъ, Орфеновъ, Чебеняевъ, Бухаровъ и баронъ Драхенфельсъ, господа офицеры и солдаты, мои боевые друзья!..

Если попадутся вамъ на глаза эти строки, быть можетъ, разбудятъ онѣ въ вашей душѣ воспоминанія о далекихъ карпатскихъ дняхъ, отъ яснаго утра къ оранжевому закату, и отъ

заката къ вѣющей черными мохнатыми крыльями ночи...

Я бы воспѣлъ ихъ, какъ сказку, какъ лирическую поэму, достойную, можетъ быть, стихотворнаго ритма!..

На кручахъ, среди снѣгового безмолвія, подъ горячимъ золотомъ солнца и въ студеномъ мракѣ ночей, бригада стояла на стражѣ, вѣрная боевому закону.

Было несказанное очарованіе въ богоданной природѣ, величавой и пышной, не оскверненной человѣческой пошлостью, лучезарной и чистой, словно только что вышедшей изъ рукъ Творца.

Бѣлый коверъ, ослѣпляющій до боли въ глазахъ, раскинулъ во всѣ стороны брильянтовые узоры, затопилъ долины и бездны, запустилъ вершины и склоны. А на немъ, словно шапка сказочнаго волшебника, окаймленная голубыми песцами, чернѣетъ вѣковой, дикій, непроходимый лѣсъ.

Прозраченъ разрѣженный воздухъ, и если взглянуть сверху внизъ, на австрійскую позицію, лежащую, за скованнымъ ледянымъ панциремъ, горнымъ потокомъ, три версты разстоянія превращаются въ какихъ нибудь триста шаговъ... Удивительный обманъ зрѣнія!.. Все видно, какъ на ладони... Стальная сѣть загражденій, амбразуры и бруствера, запорошенный снѣгомъ блиндажъ... Въ бинокль можно разглядѣть даже безусое лицо молодого сол-

дата, облокотившагося, въ раздумьи, на винтовку, съ острымъ жаломъ ножа...

Въ полдень дымятся походныя кухни, ползетъ острый запахъ капи и шей. Гусары резерва сидятъ на солнцѣ въ разстегнутыхъ курткахъ, чинятся, смазываютъ оружіе, балагурятъ, разражаясь крѣпкимъ здоровымъ хохотомъ, перекидываются, какъ малыя дѣти, въ снѣжки.

Господа офицеры покуриваютъ табакъ, бесѣдуютъ между собой или же, на крошечныхъ лошаденкахъ гупульской породы, взбираются на горы и повѣряютъ сторожевыя заставы. Иногда, не болѣе, какъ разъ на день, прозвучить выстрѣлъ:

— Та-ку!

Это коза или олень вышелъ на часового. Это значитъ, что въ одномъ изъ эскадроновъ будетъ на ужинъ свѣжее мясо. Тысячезвучнымъ эхомъ выстрѣлъ облетаетъ горы, долины, ущелья и замираетъ вдали..

Я сижу на стволѣ поваленнаго бурею дуба и гляжу въ синія дали, гдѣ обрываются горы и лежитъ, среди венгерской равнины, таинственный Кересмежъ... Свѣтлые образы ласкаютъ умиротворенную душу... Снѣговое безмолвіе и величавый покой полны непередаваемого очарованія... Порою, мнѣ чудится благовѣсть... Я не знаю что это такое — горный обвалъ или журчанье потока, хрустальная музыка ледяныхъ капель или просто игра обостреннаго слуха?.. Но порой чудится звонъ

далекихъ колоколовъ, создающій фантастическую иллюзію, погружающій сознание въ область несказанныхъ миражей... Донъ-донъ-донъ!.. Огненный ликъ улыбается прощальной улыбкой и готовъ скатиться за лиловыя горы... Въ вечерѣющемъ небѣ вспыхиваютъ ясныя горныя звѣзды... Таинственная мелодія звучить все рѣже, все глуше...

„Вечерній звонъ,
Вечерній звонъ,
Какъ много думъ
Наводитъ онъ...“

Сейчасъ, на третьемъ году войны, я почувствовалъ впервые необъяснимое утомленіе, не столько, впрочемъ, физическаго, сколько моральнаго свойства. Безсонныя ночи, напряженные дни, нервная тревога тридцати безконечныхъ и страшныхъ мѣсяцевъ не проходятъ безслѣдно... Чувства требуютъ отдыха... Душа жаждетъ покоя!..

Ко всему этому, я сталъ обнаруживать въ себѣ признаки какого-то страннаго охлажденія къ тому ремеслу, которому посвятилъ себя съ юныхъ лѣтъ. Оно рисовалось мнѣ въ нѣсколько иныхъ формахъ. Подойдя теперь къ нему совершенно вплотную, я обманулся во многомъ.

И точно, если въ ремеслѣ кроваваго бога войны раньше, можетъ быть, наблюдалась доля извѣстной романтики, сейчасъ не оста-